

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Review

CHRONICLE

Рецензии

Рецензии

Исторические науки

УДК 94(510)+(049.32):821.581=03.581=161.1

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1452-1469

«Прекрасная добродетель» (мэй-дэ 美德) как «самое ценное сокровище» Китая. [Рец. на:] Хрестоматия о прекрасной добродетели Китая / Ред. Су Шуянь. Пер. с кит. Ян Чуньлэй, А. И. Кобзева. М.; СПб.: Нестор-История; 2019. 320 с.

Наталья Александровна Орлова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

Московский физико-технический институт (НИУ), Долгопрудный, Россия,

ornatanew@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5748-5155>

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на вышедшую в 2019 г. в издательстве «Нестор-История» «Хрестоматию о прекрасной добродетели Китая» (中国美德读本 *Чжунго мэй-дэ дубэнь*), перевод которой с китайского языка был осуществлен русисткой из КНР Ян Чуньлэй 杨春蕾 и заведующим отделом Китая Института востоковедения Российской академии наук доктором философских наук, профессором А. И. Кобзевым. «Хрестоматия» вышла под редакцией современного писателя, культуролога, киносценариста и поэта Су Шуяня 苏叔阳 (1938–16.07.2019), известного российскому читателю по ставшей бестселлером «Хрестоматии о Китае» (中国读本 *Чжунго дубэнь*. Ляонин 辽宁, 2007), переведенной на русский язык в 2007 г. под заглавием «Загадочный Китай: путешествие по Стране огненного дракона». Рассматриваемая в рецензии «Хрестоматия» состоит из трех частей «Небо», «Земля», «Человек» и включает в себя собрание разных мифологических, исторических и житейских историй (всего 96, включая несколько песен), каждая из которых иллюстрирует ту или иную грань понятия «прекрасная добродетель», поэтому в статье подробно рассматривается фундаментальное для китайской культуры понятие «добродетель» (дэ 德), его производное «прекрасная добродетель» (мэй-дэ 美德), а также место категории мэй-дэ в ценностной системе современных китайцев на примере разбора историй, приведенных в рецензируемой «Хрестоматии». Показано, что, хотя «Хрестоматия» предлагает читателям идеализированный образ Китая, который представляет не столько реальность, сколько декларируемые цели, однако они гуманистичны и благородны, связаны с взаимопомощью и в силу этого являются транскультурными идеалами. Этим определяется высокая актуальность подобного рода книг, которые в силу живости и красочности языка, художественности рассказываемых историй способны тронуть сердца людей разных стран. «Хрестоматия» может представлять интерес для всех, кто интересуется культурой и историей Китая, а также может быть использована в педагогических и образовательных целях.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

CHRONICLE

Orlova N. A. “Beautiful virtue” (mei-de 美德) as the “most precious treasure”...
Orientalistica. 2020;3(5):1452–1469

Ключевые слова: хрестоматия о прекрасной добродетели Китая; нравственные ценности Китая; китайские культурные ценностные представления

Для цитирования: «Прекрасная добродетель» (мэй-дэ 美德) как «самое ценное сокровище» Китая. [Рец. на:] Хрестоматия о прекрасной добродетели Китая / Ред. Су Шуян. Пер. с кит. Ян Чуньлэй, А. И. Кобзева. М.; СПб.: Нестор-История; 2019. 320 с. // *Ориенталистика*. 2020. Т. 3, № 5. С. 1452–1469.

Review

History studies

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1452-1469

“Beautiful virtue” (mei-de 美德) as the “most precious treasure” in China. [Review on:] Su Shuyang (ed.) A Reader on the Beautiful Virtue of China. Transl. from Chinese by Yang Chunlei, A. I. Kobzev. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History; 2019. 320 p.

Nataliya A. Orlova

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
Moscow Institute of Physics and Technology (NRU), Dolgoprudny, Russia,
ornatanew@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5748-5155>*

Abstract. This is a review article on the “Reader of the Beautiful Virtue of China” (中国美德 读本 Zhongguo mei-de duben), published in 2019 by the “Nestor-History” Publishing House (Moscow). It was translated from Chinese into Russian by a Chinese Slavist Yang Chunlei 杨春蕾, and Professor I. A. Kobzev, the Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The book was edited by Su Shuyan 苏叔阳 (1938–16.07.2019), the writer, screenwriter and poet who is best known to the Russian reader for his bestselling “Reader on China” (中国读本 Zhongguo duben. Liaoning 辽宁, 2007). The book under review consists of three parts “The Heaven”, “The Earth” and “The Man”. It comprises a collection of different stories about the mythical characters and everyday events mythological, historical and everyday stories (96 in total, including several songs). Each of the specimens illustrates one or another aspect of the concept of “beautiful virtue”. The review article, therefore, examines in detail the concept of “virtue” (de 德), which is fundamental for Chinese culture. Equally, it deals with such phenomenon as the “beautiful virtue” (mei-de 美德), as well as its place within the value system of modern China. The author concludes as follows. Although the book, in general, offers an idealized image of China, which does not have very much in common with reality, the ideas expressed in the specimina are humanistic and noble and therefore of universal value. The chrestomathy (“Reader”) can therefore be of significant interest to anyone interested in the culture and history of China as well as a teaching aid.

Keywords: reader on, China, moral values of; China, cultural values of

For citation: “Beautiful virtue” (mei-de 美德) as the “most precious treasure” in China. [Review on:] Su Shuyang (ed.) A Reader on the Beautiful Virtue of China. Transl. from Chinese by Yang Chunlei, A. I. Kobzev. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History; 2019. 320 p. *Orientalistica*. 2020;3(5):1452–1469. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-5-1452-1469.

В 2019 г. в издательстве «Нестор-История» в переводе с китайского языка русистики из КНР Ян Чуньлэй 杨春蕾 (Чжэцзянский институт иностранных языков «Юэсю» 浙江外国语学院《越秀》, Шаосин 绍兴) и заведующего отделом Китая ИВ РАН доктора философских наук, профессора А. И. Кобзева вышла «Хрестоматия о прекрасной добродетели Китая» (*Чжунго мэй-дэ дубэнь* 中国美德读本) [1] под редакцией современного писателя, культуролога, киносценариста и поэта Су Шуяна 苏叔阳 (1938–16.07.2019), известного также под литературными псевдонимами Шуян (Шу Ян) 舒扬 и Юй Пинфу 余平夫. Российскому читателю, интересующемуся Китаем, наверное, хорошо известно имя крупного российского синолога А. И. Кобзева, а редактора Су Шуяна в России знают по его ставшей бестселлером «Хрестоматии о Китае» (*Чжунго дубэнь* 中国读本. Ляонин 辽宁, 2007), получившей Специальную премию ООН за вклад в искусство, изданной на 15 языках тиражом более 14 млн и переведенной на русский язык в 2007 г. и опубликованной на Украине под рекламным заглавием «Загадочный Китай: путешествие по Стране огненного дракона» (Белгород, Харьков: Клуб семейного досуга, 2007). Следует отметить, что Су Шуян был почетным членом национального комитета Ассоциации писателей Китая (*Чжунго цзоцзя сехуй* 中国作家协会), советником Ассоциации кинорежиссеров Китая (*Чжунго дяньинцзя сехуй* 中国电影家协会), членом Ассоциации драматургов и каллиграфов Китая (*Чжунго сицзюцзя сехуй* 中国戏剧家协会). Новая «Хрестоматия», впервые переведенная на русский язык с вышедшей тиражом ок. 50 тыс. экземпляров пятой перепечатки 2016 г., – это еще один замечательный вклад в развитие культуры и межкультурной коммуникации.

В аннотации на обороте титула говорится, что «в этой книге одна за другой рассказываются трогательные истории, которые, подобно тонким струйкам, сливаются воедино, превращаясь в самое ценное сокровище нашей нации, придающее ей неистощимую силу». Эти истории повествуют и о мифических персонажах, и об исторических деятелях, и о наших современниках. «Самым ценным сокровищем» Китая названа «прекрасная добродетель» – *мэй-дэ* (美德). В современном китайском языке данный бином имеет словарные значения «добродетель, высокая нравственность», и его перевод словосочетанием «прекрасная добродетель» может показаться нарочито буквальным. Однако в сохраняющем древнюю лексику и грамматику письменно-литературном языке *вэнь-янь* (文言) он выражает именно два понятия, и соответствующий перевод подчеркивает, что тут имеется в виду не просто «добродетель», для обозначения которой достаточно одного иероглифа *дэ* 德, а таковая с определением «прекрасная» – *мэй* (美).

В китайской культуре категория *дэ* имеет высочайший мировоззренческий статус и обширнейшие ассоциативные связи, восходящие к древним канонам, в первую очередь, конечно же, к «Дао-дэ цзину» («Канону

Пути и благодати» 道德经), озаглавливающее который словосочетание *дао-дэ* 道德, подобно *мэй-дэ*, превратилось в современном языке в одно слово со значением «нравственность, мораль, этика». По отдельности же иероглифы *дао* и *дэ* представляют две фундаментальные категории культуры Китая, при этом *дэ*¹, понимаемое как манифестация *дао*, в первую очередь выражает бытийную, космологическую характеристику и «в самом общем смысле обозначает основное качество, обуславливающее наилучший способ существования каждого отдельного существа или вещи» [2, с. 257].

В русском языке слово «добродетель» еще в XVII в. понималось довольно широко – как «добро, польза; нравственное совершенство; хорошие, мирные отношения (в ед. ч.)» [3, с. 261]. Сходные значения оно сохраняло и в XVIII в. – «доброе дело, добродетель; стремление к деятельному добру и нравственная чистота, противоп. порок; положительное душевное качество, высокое нравственное достоинство, совершенство; хорошее качество, положительное свойство, достоинство чего-л.», например: «В Италии... сего питья <шоколада> очень много употребляют; и то ради его добродетели, для того что оно вкус и запах приятный, и великую питательную силу... иметь сказывается» [4, с. 153–154]. Но уже в современном языке «объективистские» значения этого слова исчезают, «добродетель» субъективируется. Под ней понимается уже лишь «положительное нравственное качество человека (противоп. порок); высокая нравственность, моральная чистота» [5, с. 155–156], поэтому сейчас слово «добродетель» воспринимается только как характеристика человека, не ассоциируясь с животными, растениями, космическими объектами и явлениями и отличаясь от «добротности» вещи.

Будучи включена, в первую очередь, в христианский контекст спасения индивидуальной души, добродетель противостоит греховности и пороку как нравственно-духовное состояние разумных существ, обладающих свободной волей и, в силу этого, могущих ею злоупотребить. В некотором смысле в христианской культуре человек именно добродетелью (свободной доброй волей, в отличие от греховности, порождаемой собственной или чужой злой волей, введшей в заблуждение и соблазн) выделяется из мира «существ и вещей», в то время как китайская культура, наоборот, с помощью *дэ* вписывает человека в «десять тысяч вещей» мира. Поэтому носитель западной, т. е. христианизированной, системы понятий, видя в названии книги слово «добродетель», а в ее оглавлении три части – «Небо», «Земля» и «Человек», характерные для китайской классификационной традиции, – может испытать некоторый «когнитивный диссонанс», поскольку стандартная для культуры Китая ассоциация

¹ Например, электронная база китайских текстов Chinese Text Project (<https://ctext.org/>) дает 32 703 вхождения иероглифа *дэ* 德 в текстовом корпусе.

с «тремя ценностями / драгоценностями» *сань цай* 三 才 как главной мироустроительной «триадой» не очевидна для людей другой культуры.

В этой триаде Человек *жэнь* 人 занимает срединное (*чжун* 中) место между Небом *тянь* 天 (верх) и Землей *ди* 地 (низ). Небо представляет в максимальной степени янский (*ян* 阳) – светлый, мужской и т. д. аспект непрерывной и однородной мировой пневмы (энергии / материи) *ци* 氣, а Земля – иньский (*инь* 阴) – темный, женский и т. д. Движение мировой пневмы *ци* сущностно зависит от Человека, являющегося важнейшим перераспределительным звеном в этом круговороте². Наилучшим образом эту функцию выполняет правитель, обладающий *дэ* как даруемой Небом магической силой, совершающий жертвоприношения Небу и Земле и следующий их принципам.

«Европейская теологическая проблематика, основанная на различии духовного (идеального) и телесного (материального), с одной стороны, божественного (свободного) и природного (необходимого) – с другой (что в перекрест дает четыре парных сочетания), практически непереводаима на *вэнь-янь*, письменный язык традиционной китайской культуры, использующий иероглиф *тянь* во всех указанных смыслах» [6, с. 444]. Небо может персонифицироваться в образе верховного владыки (или владык) Шан-ди 上帝 или выступать имперсональной силой, но даже в последнем случае Небо обладает *дэ*. Небо и Земля понимаются как активные мироустроительные силы и, будучи символизированными старшими триграммами *Цянь* и *Кунь*, энергетически «подпитывают» движение *ци* в младших триграммах [7, с. 153, 162, 171]. Это отличает мировоззренческие установки китайцев от установок читателей, имеющих христианский бэкграунд, для которых Небо и Земля сотворены Творцом как некоторая сцена, на которой разворачивается нравственная жизнь человека-Адама, и которые сами по себе не имеют моральных характеристик (как не имеют они моральных характеристик и для атеиста). «Небо, насылающее кары» не более чем метонимия Бога для христианина или просто оборот речи для атеиста.

Поэтому первая часть книги – «Небо» – будет, скорее всего, воспринята читателем как повествование о добродетели божеств, что не сильно расходится с содержанием раздела, а вот дальше могут возникнуть сложности, потому что европейская мифологическая система либо двоична (Небо / Надлунный мир – Земля / Подлунный мир), либо троична (Надземный мир – Земля – Подземный мир), но в обоих случаях «люди» попадают в раздел «Земля», а в книге рубрика «Человек» – это самостоятельная часть. Еще удивительнее увидеть в этой рубрике истории о животных (например, «Дружба гекконов» в подразделе «Мир наделенных

² Круговращение могло пониматься буквально, если триграммы или гексаграммы, символизирующие разные состояния *ци*, располагались по кругу (подробно см.: [7, с. 135–150; 8]).

чувствами»)!) Такие несостыковки читательских ожиданий с содержанием книги вызывают желание глубже с ней ознакомиться даже у тех, кто далек от китайской культуры!

Дэ, будучи мироустроительной силой и характеристикой всех существ и вещей, не всегда – мэй. Более того, как предельно широкое понятие дэ может конкретизироваться не только положительными эпитетами («предельная» чжи 致, «великая» да 大, «таинственная» сюань 玄, «сиятельная, светлая, ясная» мин 明), но и отрицательными («нечестивая» сюн 凶, «темная» хунь 魂, «развратная» цзянь 奸 или «плохая, дурная, злая» э 恶) [2, с. 257]. В современном русском языке «добродетель» в критических или юмористических контекстах тоже может быть названа уничижительно («деревенская», «показная», «бесплодная», «фальшивая», «ходячая» и т. п.), но это лишь подчеркивает мысль, что ее или нет, или она крайне ущербна, в любом случае «развратная дэ» понималась бы как порок, а не как «развратная добродетель», так как порок – это не вид добродетели, а ее прямая противоположность.

Хотя дэ является «наилучшим способом существования», очевидно, что наилучшие способы существования могут быть разными. Поэтому в хрестоматии и в аннотации к ней указывается, что именно мэй-дэ, а не просто дэ или какая-то другая дэ (дэ с иным эпитетом) была признана «самым ценным сокровищем» Китая, и читателю самому предстоит разобраться, что она собой представляет. Предваряя это, важно отметить, что широкое семантическое поле иероглифа мэй охватывает не только красивое, изящное, превосходное, но и хорошее, доброе, благое, достойное, то есть и эстетические, и этические характеристики, поэтому наиболее точно при переводе ему бы подошел западный термин «калокагатия» (др.-греч. калоκαγαθία, от др.-греч. καλός και ἀγαθός – «прекрасный и хороший», «красивый и добрый»). Соответственно бином мэй-дэ можно было бы перевести как «прекрасная и благая добродетель» или «благодарить калокагатии».

Важный смысловой камертон задает «Предисловие», рассказывая о том, как возникла идея книги: несколько «преодолевших шестидесятилетний порог пожилых людей» (с. 4) 28 сентября 2012 г., в 2563-й день рождения Конфуция, основали «открытый клуб для совместного обучения» всех желающих всех возрастов и журнал под названием «Полет юности» (Цин-чунь фэй-ян 青春飞扬, с. 5–6), которое можно перевести и как «Взлет молодой весны». К сожалению, важное действующее лицо У Хуа 吴华 – личность, бывшая заместителем декана педагогического колледжа и инициировавшая создание клуба, из женщины (с. 5) через несколько страниц превратилось в мужчину: «У Хуа сказал...» (с. 8). Эту досадную грамматическую ошибку вряд ли можно рассматривать как даосский «код», превращающий мужское в женское и наоборот, но она объективно отражает отсутствие грамматической категории пола в китайском языке

и невольно вносит в серьезный нравоучительный текст игровые черты постмодернизма.

Серьезность «Предисловия» в полной мере соответствует серьезности затронутой тематики, чрезвычайно актуальной для сегодняшних дней, – жизни пожилых образованных людей. Средняя продолжительность жизни людей сейчас значительно выше, чем раньше³, и поэтому неизбежно повышается доля пожилых и очень пожилых людей, при этом люди с хорошим образованием, привыкшие к активной профессиональной жизни, часто не могут себя реализовать, оказавшись на пенсии или просто потеряв работу по возрасту. Но в создании клуба и журнала было бы слишком поспешно увидеть только желание «непрерывного образования», «воспитания молодежи» или «досуга для пенсионеров». Как все китайские наименования, название клуба многосмысленно, его можно перевести буквально «Весна наполняет воздух (реет в воздухе)» и метафорически «Молодость высоко воспаряет / Дерзания молодости», а в мифопоэтических и мировоззренческих категориях «весна» – *чунь* 春 – это космический эрос со всеми его оттенками, рождение, начало новой жизни, что весьма близко и русскому миропониманию, столь же интимно завязанному на ярко выраженные сезонные (природные и сельскохозяйственные) циклы. Поэтому можно сказать, что метафорически название клуба говорит о начале нового цикла, в котором люди возраста «зимы» видят не дряхлость и близость конца, не «возраст дожития», а накопленные силы, как накапливают их к зиме растения для нового роста, и поэтому чувствуют себя не «отжившими век», а «прожившими век», богатыми опытом жизни.

Неудивительно, что получившийся жанр книги – это «разделение опыта», собрание разных мифологических, исторических и житейских историй (всего 96 включая несколько песен), каждая из которых описывает некоторое действие, которое можно охарактеризовать как *мэй-дэ*. Таким образом, каждая история раскрывает какую-то грань этого многосложного понятия.

Первый раздел «Небо», повествующий о делах божественных существ, собран из девяти историй, рассказанных под открытым небом на берегу озера во время дружеского застолья (с. 8).

Подобное переименование мифов о прародительнице человечества Нюйве, стрелке-солнцелюбе Хоу И и его выпившей эликсир бессмертия и улетевшей на Луну прекрасной жене Чанъэ, усмирителя потопа Юе, обо-

³ До первой половины XIX в. средняя продолжительность жизни европейцев составляла 30–35 лет, ее снижали не только болезни, голод и травматизм, но и высокая детская смертность, так как «треть новорожденных не доживала до 5 лет» [9, с. 48], что соответствует представлению о средней продолжительности жизни в это время и в Китае (интернет-источник: <http://russian.cri.cn/1281/2009/09/23/1s307803.htm>, дата обращения 19.06.2020).

жественном родоначальнике даосизма Лао-цзы и других мифических и легендарных персонажах характерно уже для знаменитых «Старых легенд в новой редакции» (*Гу-ши синь-бянь* 故事新编, 1922–1936) Чжоу Шужэня 周树人, тоже писателя, ученого, публициста и пропагандиста китайской культуры, получившего всемирную известность под псевдонимом Лу Синь 鲁迅 (1881–1936), однако для них, опубликовавшихся в СССР под названием «Сатирические сказки» (М., 1964), в большей степени характерен юмористический и сатирический тон. Мифы поданы как забавные и порой разоблачительные истории о смешных и нелепых существах, к которым отнесены не только божества, легендарные герои и мифические животные, но и люди. Следует отметить, что создание Лу Синем этих иронических или сатирических рассказов, которые он начал писать в начале 20-х гг. XX в., коррелировало с угнетенным, отсталым и даже катастрофическим положением тогдашнего Китая, а в рассматриваемой «Хрестоматии» все персонажи представлены с несомненным пиететом и нравоучительным пафосом, Китай же выглядит «образцово-показательным», что является явной идеализацией его современного состояния.

В самой первой истории рассказывается о мифическом первочеловеке Паньгу 盘古 («Свернувшаяся [в кольцо] древность»), создавшем Небо и Землю и раздвинувшем их друг от друга на расстояние «девяти небесных сфер», а после смерти ставшего пятью священными горами, реками и лесами. Из этой истории рассказчик Ли Юйлян 李育良 делает неожиданный для читателя вывод, что эта история повествует о естественной космологии⁴, о том, что космос не был сотворен сверхъестественными силами и что создание рельефа страны – эта трудовая деятельность предков. Но самое главное в рассказанной истории – это самопожертвование Паньгу ради своих потомков, и «этот великий жертвенный дух является самой давней и постоянной прекрасной добродетелью нашего народа» (с. 10). Хотя миф о Паньгу в различных версиях содержит снижающие пафос детали (например, что люди – это паразиты, жившие на теле Паньгу [10, с. 541–543]), в данном случае важна его интерпретация рассказчиком – совершение жертвенного деяния. Первый бином в выражении «жертвенный дух» *фэн-сянь цзин-шэнь* 奉献精神 подчеркивает идею вручения, дарения, преподнесения, поэтому можно сказать, что «жертвенный дух» – это настрой, готовность отдавать другим или что-то свое (силы, талант, время, внимание, деньги, труд и т. п.), или всего себя (свою жизнь).

⁴ Следует, однако, отметить, что суждение рассказчика о том, что «к сожалению, современное человечество не в состоянии услышать звук большого взрыва, сформировавшего космос, так как в те времена людей еще не существовало» (с. 10), противоречит современной космологии, полагающей космическое микроволновое фоновое, или реликтовое, излучение дошедшим до нас отзвуком Большого взрыва. Оно было предсказано Г. Гамовым, Р. Альфером и Р. Германом в 1948 г., экспериментально подтверждено в 1965 г. А. Пензиасом и Р. В. Вильсоном, которые в 1978 г. получили за это Нобелевскую премию.

Таким образом, уже в первой истории читатель видит главную мысль книги: *жертвенность* – это *мэй-дэ*. Эту мысль можно найти уже в «Даодэ цзине»: «Небо и земля длительны и долговечны благодаря тому, что они живут не собой, а потому способны жить долго. На этом основании совершенномудрый человек отставляет назад свою личность, а сам первенствует; отбрасывает прочь свою личность, а сам сохраняется» (§ 7)» [11]. В европейской философии эта же мысль в XIX в. была закреплена термином «альтруизм» родоначальником социологии О. Контом (1798–1857), понимавшим его как инстинкт, превосходящий инстинкт эгоизма [12, с. 811]. Этот биологический императив, ставящий жизнь и благополучие рода выше жизни и благополучия особи, не может не быть особенно важен для культуры, столь полно и всецело ориентированной на ценности сохранения и преумножения жизни. Жертвенность, отказ от себя ради других, оказывается залогом долголетия, в данном случае – залогом долголетия китайской цивилизации, самой долгоживущей из всех ныне существующих.

Во второй истории другой рассказчик, преподаватель филологии Чжэн Жулю 郑如柳 рассказывает, как мифическая праматерь людей полуженщина-полузмея Нюйва 女娲 создала из глины людей, починила небосвод, грозивший упасть на Землю, и восстановила поддерживающие его по сторонам света четыре опоры. Так вводятся тема подвижнического труда на благо других существ, с одной стороны, и тема заботы о детях – с другой. Нюйва описана как обладающая «мягким материнским характером», она «не была небесным духом, а произошла из земли» (с. 12). Ее происхождение из той же земли, что и созданные потом ею люди, – интересная вариация мифа⁵, подспудно проводящая идею превосходства «земного» над «небесным». «Небо» при этом мыслится не в божественно-творческом контексте, а в ремесленно-трудовом: его чинит, латая в нем дыры, подпирает и исправляет «земное» существо. Тем самым отношение переворачивается, и Земля получает приоритет над Небом.

В этом немного неожиданном смысловом смещении российский читатель легко может увидеть веяние диалектического материализма и марксизма – основ официальной идеологии современного Китая. В них «Земля» ассоциируется с «земным», «трудовым» и «народным», а «Небо» – с «заоблачным», «праздным» и «элитарным». В СССР широким массам тоже рассказывали о том, что на «небе» нет никаких богов, летавший в космос Юрий Гагарин никого там не видел, а представление об идеальном редуцировалось до «заоблачного», «оторванного от жиз-

⁵ Это несколько необычная версия мифа, Юань Кэ о происхождении Нюйвы отмечает только то, что в одной версии она пережила потоп вместе с братом Фуси, и у них был отец, а во второй ее происхождение не указано [13, с. 38–52]. Возможно, рассказчик пользовался какими-то иными источниками, что было бы полезно отметить в примечании к этому месту.

ни», «фантазийного», «мечтательного». Из всех мифологических персонажей только Прометей подавался советскому человеку положительно, поскольку украл огонь у богов и дал его людям, а оппозиция «земного» и «небесного» встраивалась в схожие с представлениями рассказчиков о Паньгу и Нюйве смысловые горизонты. В позитивном же смысле «небо» было только «космосом», который нужно «покорять», «осваивать» и просторы которого должны «бороздить» (аграрная метафора!) сделанные на земле трудовым народом корабли.

Далее истории повествуют о культурном герое Юе 禹, усмирившем потоп и создавшем первое легендарное государство Ся 夏 (XXIII–XVI вв. до н. э.); о стрелке Хоу И 后羿, сбившем в небе девять лишних солнц-воронов, иссушавших землю, и победившем разных чудовищ, который «был не восседающим на небесах божеством, а вождем племени саньмяо» (с. 21); о современном научном проекте «Чанъэ» 嫦娥 по исследованию Луны, которым руководил академик Академии наук Китая Оуян Цзыюань 欧阳自远 (1935 г. р.), – исследовательской станции «Чанъэ-1», которая, прослужив на четыре месяца дольше запланированного срока, провела контролируемое столкновение с Луной 1 марта 2009 г. в Море Изобилия, принеся «героическую жертву» (с. 26); и о первой женщине-космонавте Лю Ян 刘洋 (1978 г. р.); а составитель хрестоматии поэт Су Шуян прокомментировал стихотворение Су Ши 苏轼 (1037–1101)⁶, написанное в праздник Середины осени 1076 г. и посвященное младшему брату поэта – Су Чжэ 苏辙 по имени-цзы Цзыю 子由. В этом стихотворении сразу сложно увидеть тему *мэй-дэ*, однако далее говорится, что Су Ши простил «подвергавшего его гонениям Ван Аньши⁷, специально навестил его, прожив в его имении два месяца...» (с. 31), что позволило рассказчику, начав со стихотворения, написанного в опале разлученным с братом поэтом, показать еще одну грань *мэй-дэ* – прощение, милосердие.

Заканчивается раздел лекцией философа Чжоу Инцзе 周英杰 о Лао-цзы, легендарном авторе трактата «Дао дэ цзин», в которой *мэй-дэ* названо «почтение к мудрецам прошлого» (с. 42), а история человечества представлена как смена этапов: первобытного (люди зависят от природы), аграрного (люди учатся у природы), индустриального (люди эксплуатируют природу) и назревающего перехода на четвертый этап формирования «экокультуры» (люди сосуществуют в гармонии с природой) (с. 45). Сначала может показаться, что в данном случае *мэй-дэ* – почитание мудрецов прошлого – это какая-то новая форма «прекрасной добродетели», не похожая на жертвенность, но в определенном смысле это тоже отказ от себя, от эгоистической установки, которая выражает-

⁶ Следует отметить совпадение фамильных знаков Су Шуяна и Су Ши.

⁷ Ван Аньши 王安石 (1021–1086) – государственный деятель, политический противник братьев Су.

ся в снобистских мнениях о том, что люди нынешнего века заведомо умнее и прогрессивнее и у людей прошлого им учиться нечему. Почтение к предкам, почтение к природе – это тоже альтруизм, **забота не о себе, а о другом**, в которой и заключается «корень» мэй-дэ.

Читателю может показаться странным, что лекция о Лао-цзы завершает раздел «Небо», а не открывает раздел «Земля», ведь в самой лекции нет ничего, что относилось бы непосредственно к «небу». Но если вспомнить строки из «Дао-дэ цзина» (цз. 25): «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует Пути-Дао, а Путь-Дао следует естественности⁸» (с. 44) (*жэнь фа ди, ди фа тянь, тянь фа дао, дао фа цзы-жань* 人法地, 地法天, 天法道, 道法自然), то становится понятно, что история об авторе этого текста ближе всего к разделу «Небо». Более того, можно сказать, что эти слова связывают все части книги воедино и вполне могут стоять к ней эпиграфом.

В самом начале второго раздела «Земля» небольшое вступительное слово от редколлегии журнала «Молодость всегда с нами» (с. 48) (*Циньчунь чан цай* 青春长在) начинается именно с этих слов и с того, что «соответствие слов и поступков природным законам является прекрасной добродетелью» (с. 48). Это еще одна грань альтруизма – нужно отказаться от своей воли (желаний, выгод и т. п.) и отдать себя «природным законам», или «естественности» *цзы-жань* 自然. Возможные переводы этого бинорма – «спонтанность, естество, само собой, исходить из самого себя» [14, с. 544], а в современном языке он понимается как «природа / природный», «естественный», «натуральный», то есть охватывает весь спектр того, что никак не связано с разного рода умыслами и «задумками» человека или других существ.

Вытекающее из подобной «естественности» даосское представление о «недеянии» (*у-вэй* 無為) кажется идущим вразрез с марксистскими идеалами переустройства мира и активной социальной позицией. Поэтому читателя, знакомого с этими идейными течениями, может заинтересовать, каким же образом авторы «Хрестоматии» сумеют согласовать столь разные идеологические позиции?

Во втором разделе – одиннадцать историй, объединенных темой сохранения природных богатств и ландшафтов страны. Уже в первой истории «Природоохранный договор деревни Годун» видно сочетание этих двух, казалось бы, разнонаправленных установок на трудовое освоение природы и «недеяние», следование естественности. Символами подобного сочетания выступают мост-шлюз Изогнувшегося дракона (с. 50), регулирующий паводковые воды и защищающий деревню Годун в провинции Чжэцзян 浙江 от затопления, и запрет на вырубку деревьев на

⁸ Вариант перевода «Дао следует самому себе» (см.: [14, с. 544]); также существуют другие переводы этого фрагмента.

горе Луншань (с. 51), позволивший сохранить ее уникальную экосистему. Такое отношение к природе характерно для традиционных китайских садов, вбирающих в себя огромное количество трудовых усилий (здания, пруды, искусственные горки, размещенные особым образом камни, проложенные дорожки и мостики), которые, однако, не разрушают, а, наоборот, подчеркивают красоту и естественность ландшафта.

Подобная вплетенность труда людей в действия природных сил лучше всего символизируется китайским парковым источником, в котором вода всегда следует «естественности» и течет вниз, в отличие от западных «водоветов» – фонтанов, «протivoестественно» направляющих воду вверх. Прекрасная добродетель, описанная в этой первой истории, – это добродетель охраняющего жизнь (жизнь людей, животных, растений) труда и воздержание от действий, которые могут нанести ей непоправимый ущерб (вырубка деревьев).

Столь идиллическая картина, однако, противоречит ставшему общим местом представлению о том, что сейчас в Китае весьма сложная экологическая ситуация, в тяжелом состоянии находятся водные ресурсы, атмосфера (особенно Пекина), загрязненная смогом, в том числе от сжигания каменного угля, до сих пор являющегося важной составляющей энергетической системы страны. Экстренные и широкомасштабные меры, которые принимаются правительством Китая на разных уровнях, показывают, что экологическая ситуация – один из важнейших пунктов в повестке дня для властей Китая. Квотирование выбросов, использование энергии солнца и ветра, мониторинг чистоты воздуха – необходимые меры по урегулированию проблем в экологии.

Однако на уровне массового сознания мы ассоциируем китайский стиль ведения хозяйства скорее с хищнической эксплуатацией ресурсов (загрязнение почвы, вырубка леса, браконьерский отлов ценных животных или их скупка и т. п.), чем с высокими экологическими стандартами, ассоциирующимися сейчас с Европой. В этом смысле «Хрестоматия» может показать российскому читателю, что в китайской традиционной культуре заложены ценности, которые могут помочь Китаю разрешить экологические проблемы и сменить эксплуататорский стиль природопользования на экологический. Земледельческое прошлое обоих народов, российского и китайского, когда большую часть населения составляло крестьянство, во многом определило глубинное отношение с природой как борьбу за жизненное (посевное) пространство. Но в наше время Китай, как и Россия, все больше становится городской цивилизацией, и хотя в нем до сих пор еще велик процент сельского населения, общая тенденция ясна – люди неудержимо мигрируют в города. Пусть эта миграция квотируется и регулируется государством, но она естественна и неизбежна. Китай поступательно дрейфует в «постиндустриальное будущее», когда технологии становятся «высокими», а здоровье и долголетие населения – важнейши-

ми приоритетами. Поэтому есть надежда, что экологические стандарты, как и утверждал в своей лекции философ Чжоу Инцзе 周英杰, скоро станут для Китая очевидной нормой.

Следующие четыре рассказа, записанные в пересказе Чжао Чжунго 赵中国, составляют два своеобразных диптиха, также соотнесенных друг с другом по принципу *инь – ян* (женского и мужского). В первой (янской) паре одна история рассказывает о мифическом правителе Шэньнуне 神農 – Божественном земледельце, подарившем своим подданным пять видов злаков и 365 лекарственных растений (с. 54), а вторая – о нашем современнике, ученом-селекционере Юань Лунпине 袁隆平 (07.09.1930 г. р.), вырастившем новый сорт гибридного поливного риса (*цза-цзяо шуй-дао* 杂交水稻) высокой урожайности и получившем за это торжественное наименование «отец гибридного риса»; односельчане даже величают его «рисовым бодхисаттвой». О нем известно, что на протяжении многих лет он руководил научно-техническими учреждениями разного уровня, а 17 сентября 2019 г., после его 89-го дня рождения, председатель Си Цзиньпин подписал указ о награждении его государственным орденом.

Вторая (иньская) пара историй рассказывает о супруге легендарного культурного героя, Желтого императора Хуан-ди 黄帝 – Лэй-цзу 嫫祖, научившей женщин ткачеству и шелкопрядению, и о нашей современнице Хао Цзяньсю 郝建秀 (1935 г. р.), разработавшей в 1951 г. (с. 60) высококачественный и дешевый способ изготовления хлопчатобумажной пряжи – «метод Хао Цзяньсю», который был отмечен на самом высоком уровне не только в Пекине председателем КНР Мао Цзэдуном и премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, но и в Москве, куда она была официально приглашена и где встречалась с И. В. Сталиным (с. 61).

Рассказы сравнивают ученого Юань Лунпина и великого первопродка нации, культурного героя Шэньнуна, прядильщицу-изобретательницу Хао Цзяньсю и «родоначальницу человеческой цивилизации» Лэй-цзу (с. 57), говоря нам о том, что и наши современники совершают прекрасные человеколюбивые деяния, достойные легендарных прародителей. В России всегда особенно уважительно относились к тем, кто может «учить и лечить» людей, в Китае, как мы видим из этих историй, с почтением относятся и к тем, кто может «кормить и одевать» людей. Потребности в еде и одежде – самые жизненные, самые важные, поэтому в Китае, где все, связанное с жизнью, ее качеством и ее продлением, вызывает уважение, подобные профессии не могут не почитаться.

Можно предположить, что китайские базовые ценности, связанные с жизнью и всем тем, что ее непосредственно обслуживает, не пришли в противоречие ни с социалистическими ценностями, ни с ценностями постиндустриального мира, наоборот, они органично вписались и будут вписываться в будущем в любые геополитические и экономические мировые конфигурации. Живое тело *шэнь* 身, которое в европейской менталь-

ности отделено (порой очень жестко) от личности, в Китае является целостностью всех проявлений, поэтому нет отдельно духовных и телесных потребностей, нет деления на дух и плоть, есть единое одухотворенное, одушевленное живое тело, которое требует комплексной заботы и ухода. Такой базовый подход к человеку как целостному организму согласуется и с традиционными ценностями Китая, и с социалистическими идеями, и с современными естественно-научными эволюционистскими и атеистическими представлениями. Он не противоречит ни атеистическим, ни религиозным установкам и поэтому органичен в любом идейном контексте. И в этом одна из самых сильных сторон «мягкой силы» Китая!

Следующая история этого раздела – печально трогательный рассказ о Ли Сыгуане⁹ 李四光 (1889–1971) – «отце китайской геологии» (с. 63), открывшем путь Китаю к добыче нефтяных ресурсов. В этом коротком повествовании он представлен как типичный «рассеянный ученый», больше интересовавшийся камнями, чем родной дочерью. За ним следует рассказ уже о людях, которые бурили первые нефтяные скважины в округе Дацин провинции Хэйлунцзян в 60-х гг. XX в., и о руководителе бригады Ван Цзиньси 王进喜, который, жертвуя своим здоровьем, помогал бригаде преодолевать опасности и трудности. Его «дух самопожертвования» был назван сельчанами «духом железного человека» (с. 67), а его образ в идейной пропаганде стал примером непоколебимости и отваги в созидательном труде на благо всего народа.

Четыре последние очень краткие истории – о природных богатствах Китая: о «первом и единственном в стране государственном водно-болотном парке» Сиси 西溪 (с. 68–69); о тихих деревнях, красоту которых воспел буддийский монах и поэт Ши Чжинань 释志南, живший в эпоху Южной Сун 南宋 (1127–1279) (с. 70); о бескорыстном культивировании разных сортов китайской розы на благо Пекина «госпожой-розой» (*юэ-цзи фу-жэнь* 月季夫人) Цзян Эньдянь 蒋恩钿 (1908–1975) (с. 72–74); о защитнице окружающей среды Ляо Сяои 廖晓义 (1954 г. р.), не только продвигавшей интересные и полезные социальные экологические проекты «Пекин – глобальная деревня» и «Благополучный домашний очаг», но и ратовавшей за раскрытие потенциалов человеческого тела в противовес бездумной эксплуатации внешних ресурсов (с. 75–76).

Эта последняя история как нельзя лучше иллюстрирует сложное, инь-янское переплетение человеческой трудовой активности, с одной стороны, и внимательного, заботливого отношения к природе и собственному телу как ее части – с другой. Человеческое тело – тоже источник энергии, использование которой должно раскрываться с помощью разумных практик «пестования жизни». Тело не должно быть поводом для хищни-

⁹ К сожалению, его имя появляется в повествовании всего два раза (с. 63), один раз правильно – Ли Сыгуан, второй раз с ошибкой в имени – Ли Сыгун, поэтому читатель не имеет возможности понять, какой из вариантов правильный.

ческой эксплуатации природы при согревании его углем, охлаждении кондиционерами, передвижении на машинах и т. п., а должно включиться в разумное, гармоничное сосуществование с природой через развитие своих собственных иммунных, витальных, моторных и прочих сил. Для традиционной китайской культуры человек (*жэнь-у* 人物) – не господин природы, а одна из десяти тысяч вещей (*вань-у* 万物), обладающая особым свойством – «гуманностью» *жэнь* 仁¹⁰. Об этом как раз и рассказывает последняя, самая объемная часть данной хрестоматии – «Человек».

Третья часть занимает в книге самый большой объем и разделена на семь разделов, первый из которых как раз и называется «Основы человечности» (*цзо-жэнь дэ гэнь-бэнь* 做人的根本). Из приведенных историй читатель может увидеть, что «человечность» – это верность данному слову («“Образцовое гостеприимство” и “траурная колесница и белый конь”», «Взгляд Ван Фучжи провожает гостя на тридцать *ли*», «Сказано – сделано» и др.), доверие между незнакомыми людьми («Звонок по телефону общего пользования»), скромность («Скромный Конфуций»), сильная любовь к жизни и всему живому («Листья дерева»), забота об интересах государства («Явка с повинной головой»). Эти качества показывают стиль отношения между людьми – доверительный, искренний, благожелательный, заботливый.

Современная институциональная экономическая теория [16] показывает, что доверие между незнакомыми людьми – очень важный социальный капитал, повышающий общее благосостояние страны. Но его нельзя привить искусственно, он складывается постепенно и легко утрачивается. Житейские истории, достигая глубин человеческих сердец, лучше официальных призывов и лозунгов – добрыми примерами помогают этому чувству развиваться и укрепляться. Можно сказать, что подобные книги оказывают не только морально воспитательный, но и психотерапевтический эффект на многих людей.

Следует отметить, что «человечность» поставлена перед другими, более частными случаями добрых отношений между людьми, поэтому разделы «Любимая семья», «Настоящая школа, истинное воспитание», «Взаимная поддержка – опора для всего общества» идут вслед за «Основами человечности». Каждая история – это рассказ о доброте и заботе, о внимательном отношении к другим людям. Но в этом разделе есть не только истории, но и песни, таковы «Песнь жене» (с. 102) на слова Су Шуана, «Мать» (с. 131), «Любимая семья» (с. 137), «Основной сюжет» (с. 171).

Неудивительно, что один из разделов называется «Мой родной край, моя родина». Среди рассказов есть известная многим история о Цюй Юане 屈原 (ок. 340–278 гг. до н. э.), «отце поэтов» (с. 243), жившем в эпоху Сражающихся царств и бросившемся в реку Мило. Чрезвычайно мудро звучат

¹⁰ «Этимологическое значение *жэнь* – “человек и человек”, или “человек среди людей”» [15, с. 262].

слова автора истории Су Шуяна, подписавшегося псевдонимом Юй Пинфу 余平夫, о том, что «человеческая жизнь драгоценна, и ее смысл тоже является драгоценным... как только перестает существовать сам смысл существования или нет возможности его реализовать, жизнь тут же теряет ценность, а страстное стремление к смерти становится благородным и почитаемым» (с. 243). Для китайцев, выше всего ценящих жизнь, это поистине сильное высказывание. Самоубийство великого поэта оказывается оправданным в их глазах именно потому, что гибель родного ему царства Чу и разгром столицы делают продолжение жизни патриота невозможной – он гибнет вместе со своей страной. Гибель Цюй Юаня – вечное напоминание о том, сколь сильной может быть любовь к родному краю.

Но самым удивительным для российского читателя будет шестой раздел «Мир наделенных чувствами». В этом разделе истории... о животных! И не только о домашних животных – собаках, кошках и коровах, но и о мышах и гекконах! В рассказе о мышах говорится, как зрячая мышь не бросила в беде слепую, а прикусив ее хвост, увела с собой (с. 292); а в рассказе о гекконах – о том, как один геккон десять лет (!) кормил прибитого гвоздем к стене за лапку другого геккона (с. 292–293). Подобное поведение, основанное на самоотверженной и бескорыстной заботе о другом существе, выражает глубинный смысл иероглифа *жэнь* 仁 и позволяет поместить эти истории в часть «Человек», потому что живое существо делает «человеком» не набор «генов человечности», внешний вид или самонимение, а только человечность-гуманность-*жэнь*.

Эпилог рассказывает о том, как юноши и девушки, достигшие совершеннолетия (18 лет), получили напутствие от госпожи У Хуа, руководительницы клуба «Полет юности», и им были вручены «Памятки совершеннолетнего» учеными, отличниками труда и моральными авторитетами, приглашенными местной общиной. Так люди возраста «зимы» передали эстафету «прекрасной добродетели» новому, входящему во взрослую жизнь, поколению.

Конечно же, КНР, подобно любому другому государству, имеет проблемы и конфликты в разных сферах жизни, и «Хрестоматия» предлагает читателям идеализированный образ своей страны, который, видимо, представляет не только реальность, но и цели, декларируемые современным Китаем. Ведь такие ценности «прекрасной добродетели», как любовь, добро и человечность, сами по себе являются идеалами, превосходящими действительность.

Литература

1. Су Шуян (ред.) *Хрестоматия о прекрасной добродетели Китая* / Пер. с кит. Ян Чуньлэй, А. И. Кобзева. М.; СПб.: Нестор-История; 2019. 320 с.
2. Кобзев А. И. Дэ [1] // Титаренко М. Л. (ред.) *Духовная культура Китая. Энциклопедия*. В 5 т. Т. 1: *Философия*. М.: Восточная литература; 2006. 727 с.

3. *Словарь русского языка. XI–XVII вв.* Вып. 4 (Г–Д). М.: Наука; 1977. 403 с.
4. *Словарь русского языка XVIII века.* Вып. 6. Л.: Наука; 1991. 256 с.
5. *Большой академический словарь русского языка.* Т. 5. М.; СПб.: Наука; 2006. 693 с.
6. Кобзев А. И. Тянь [1] // Титаренко М. Л. (ред.) *Энциклопедия.* В 5 т. Т. 1: *Философия.* М.: Восточная литература; 2006. 727 с.
7. Еремеев В. Е. *Символы и числа «Книги перемен».* М.: Ладомир; 2005. 600 с.
8. Еремеев В. Е. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М.: Восточная литература; 2013. 583 с.
9. Леонова Т. А. *Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья.* Уфа: Вагант; 2008. 320 с.
10. Кобзев А. И., Рифтин Б. Л. Пань-гу // Титаренко М. Л. (ред.) *Духовная культура Китая. Энциклопедия.* В 5 т. Т. 2: *Мифология. Религия.* М.: Восточная литература; 2007. 869 с.
11. Кобзев А. И. «Дао дэ цзин» // http://www.synologia.ru/a/Дао_дэ_цзин
12. Соколов В. В. *Философия как история философии.* М.: Академический проект; 2015. 863 с.
13. Юань Кэ. *Мифы древнего Китая.* М.: Восточная литература; 1987. 527 с.
14. Юркевич А. Г. Цзы жань // Титаренко М. Л. (ред.) *Духовная культура Китая. Энциклопедия.* В 5 т. Т. 1: *Философия.* М.: Восточная литература; 2006. 727 с.
15. Кобзев А. И. Жэнь [2] // Титаренко М. Л. (ред.) *Духовная культура Китая. Энциклопедия.* В 5 т. Т. 1: *Философия.* М.: Восточная литература; 2006. 727 с.
16. Аузан А., Дорошенко М., Иванов В., Елисеев А., Калягин Г. и др. // *Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория.* Учебник. М.: ИНФРА-М; 2011. 447 с.

References

1. Su Shuyang (ed.) *A reader on the beautiful virtue of China.* Transl. from Chinese by Yang Chunlei, A. I. Kobzev. Moscow – St. Petersburg: Nestor-History; 2019. 320 p. (In Russ.)
2. Kobzev A. I. De [1]. Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual culture of China. Encyclopedia.* In 5 vols. Vol. 1: *Philosophy.* Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 727 p. (In Russ.)
3. *Dictionary of the Russian language. XI–XVII centuries.* Issue 4. Moscow: Nauka; 1977. 403 p. (In Russ.)
4. *Dictionary of the Russian language of the 18th century.* Issue 6. Leningrad: Nauka (Science. Leningrad branch); 1991. 256 p. (In Russ.)
5. *The Big Academic Dictionary of the Russian Language.* Vol. 5. Moscow, St. Petersburg: Nauka; 2006. 693 p. (In Russ.)
6. Kobzev A. I. Tian [1]. Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual culture of China. Encyclopedia.* In 5 vols. Vol. 1: *Philosophy.* Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 727 p. (In Russ.)
7. Eremeev V. E. *Symbols and numbers of “The Book of Changes”.* Moscow: Ladomir; 2005. 600 p. (In Russ.)
8. Eremeev V. E. “The Book of Changes” and the calculus of meanings: articles, essays, reports. Moscow: Vostochnaya literatura; 2013. 583 p. (In Russ.)
9. Leonova T. A. *Material culture of Western Europe in the context of the history of everyday life in the Middle Ages.* Ufa: Vagant; 2008. 320 p. (In Russ.)

CHRONICLE

Orlova N. A. "Beautiful virtue" (mei-de 美德) as the "most precious treasure"...
***Orientalistica*. 2020;3(5):1452–1469**

10. Kobzev A. I., Riftin B. L. Pan-gu. Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual culture of China. Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 2: *Mythology. Religion*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2007. 869 p. (In Russ.)

11. Kobzev A. I. "Dao De Jing". – http://www.synologia.ru/a/Дао_дэ_цзин (In Russ.)

12. Sokolov V. V. *Philosophy as a history of philosophy*. Moscow: Academic project; 2015. 863 p. (In Russ.)

13. Yuan Ke. *The myths of ancient China*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1987. 527 p. (In Russ.)

14. Yurkevich A. G. Zi ran. Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual culture of China. Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 1: *Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 727 p. (In Russ.)

15. Kobzev A. I. Ren [2]. Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual culture of China. Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 1: *Philosophy*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 727 p. (In Russ.)

16. Auzan A., Doroshenko M., Ivanov V., Eliseev A., Kalyagin G. et al. *Institutional economics: New institutional economic theory. Textbook*. Moscow: INFRA-M; 2011. 447 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Орлова Наталия Александровна – кандидат философских наук, руководитель департамента социально-политических наук Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук МФТИ (НИУ), Долгопрудный, Россия; старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Nataliya A. Orlova – Ph. D., Head of Department of Social and Political Sciences of Center for Human and Social Sciences of Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia; Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03 августа 2020 г.
Одобрена рецензентами: 21 ноября 2020 г.
Принята к публикации: 08 декабря 2020 г.

Article info

Received: August 03, 2020
Reviewed: November 21, 2020
Accepted: December 27, 2020